

Александр РАТКЕВИЧ

В сентябрьском круге

Стихотворения.

Восьмая книга

2010

© А.М.Раткевич

«Восьмая поэтическая книга Александра Раткевича «В сентябрьском круге» символизирует собой, по словам доктора филологических наук Е.А.Зачевского, обретение зрелости, когда поэт достигает остроты зрения, которое проникает в потаённые просторы души и открывает двери в миры, о существовании которых трудно было даже помыслить. Естественность ритмики и земная стихия стихотворной ткани привлекут внимание, как специалистов, так и любителей русского стиха».

Глава первая

ВРЕМЯ

В который раз я совершаю круг,
как будто часовая стрелка
по циферблату радости и мук,
в одно мгновенье сталкиваясь вдруг
с минутной, что шагает мелко.

И вздрог в мою врывается судьбу,
как *кто-то* яд в неё вливает,
как *кто-то* совершает ворожбу
над нею, не взирая на табу,
и цифры медленно срывает.

11.10.1998

* * *

Порой мне кажется, что я тебя люблю,
и чую: мгла в лицо мне веет,
и ночь становится подобна фитилю,
что не горит, а только тлеет.

Но воск слезою не стекает на ладонь
и каплей не звенит горячей,
чтоб линию любви бесчувствию вдогонь
обжечь симпатией незрячей.

И пламя прячется меж пальцев, как фантом,
и, как змея со жгучим ядом,
сползает медленно к артерии, потом
в неё вонзаясь медным взглядом.

Но боли нет как нет. По телу брызжет ночь;

и серо-пепельная дрёма
сквозь искры памяти пытается помочь
мне избежать любви синдрома.

А мгла по-прежнему спокойна и чиста,
не разгорается, не тлеет,
и, словно с белого холодного листа,
в моё лицо молчаньем веет.

* * *

Дымчатое утро в конце сентября.
Вышел ли я из дому этой порой?
Что там на дороге валяется зря:
камни, листья или вчерашнего рой?

Было ли вчерашнее в дымке цветов,
в колокольном звоне нектара полей,
в этом мельтешении в поиске слов
пчёл неумолкаемых жизни моей?

Это не моё: и не я, и не ты.
Стелется на травы янтарный дымок.
Плачет паутина, смеются цветы,
что сентябрь зелёный до нитки промок.

Но не промокают вчерашние дни
ни в моих ладонях, в которых несу
для тебя, цветущей, метафор огни,
ни под той грозой, что дымится в лесу.

И не умолкает в медовом дыму
голос сладкозвонный непрожитых дней:
ты всегда спешил неизвестно к кому,
а ведь надо было спешить к ней.

* * *

Когда я чувствую, как стала жизнь сера,
и прячу под сукно отвагу,
стекает мысль моя по кончику пера
на хладнокровную бумагу.

И что я думаю? О тех ли временах,
когда сквозь детства мелколесье
я примерял своих растущих крыльев взмах
к паренью птицы в поднебесье?

О тайне женщины, которую любил
и не любил – ещё сюрпризней,

и незабвенье о которой сохранил
теперь закладкой в книге жизнью?

О том, что я благополучен и ловлю
себя на мысли: где же мера,
когда в моей стране сквозь пресыщенья тлю
витают призраки люцифера?..

Нет, я бросаю, иссушив вино утех,
в свою копилку подсознания
монеты дум и ощущений только тех,
что ничьего не жгут вниманья.

Я думаю, зачем мне вечный перелив
безумной стихотворной трели,
когда сгорит и это Солнце, словно миф,
как предыдущие сгорели?

К чему терзаюсь в адском пламене словес,
когда Туманность Андромеды
сюда несётся, чтобы Млечный Путь исчез
в вулкане огненной победы?

И вновь бессмысленность гоняет кровь мою;
и осознанье бьёт поэта:
а вдруг безмолвен я и вовсе не пою,
а мчусь, как брэнная комета?..

Вот почему и чашу ненависти пью
из рук Творца за это.

* * *

Моя любовь рассыпалась, как бусы.
Я знаю: ни при чём судьба,
когда сквозь потаённые искусства
прекрасен жемчуг – нить слаба.

В наш дикий час всё рушится и рвётся;
и вот любимая с тоской
мне в тишине вечерней признаётся,
что ей желаннее другой.

Я не хочу с тобою пререкаться,
опять оправдывать себя,
потом играть смешную роль паяца,
зубами сдержанно скрипя.

Зачем мне звон рассыпавшихся бусин,
когда стоит галдёж кругом

и не понять: поэт ли безыскусен,
поэзия ль – сплошной излом?..

Постой, не плачь. Открылась неба створка –
взгляни же вверх, на звёздный лес,
где Млечный Путь оберегает зорко
луну – жемчужину небес.

29.04.1998

* * *

Неизбывная, неземная,
хоть с улыбкою, хоть скорбя,
не люби меня, вспоминая,
вспоминай меня, не любя.

Я ведь тоже, объят луною,
помышляю молчком и вслух:
то ли тень за моей спиною,
то ли твой осторожный дух.

Стынут капли любви и страха –
чахнет жертвенная свеча;
память – выцветшая рубаха,
с моего ли она плеча?

Отрывая остатки воли,
как листки от календаря,
я не ведаю большей боли,
ощущаемой втихаря.

Не ищу никаких оправданий
в том, что чувства, как щепка, – хрупь,
что, как раненый волк в капкане,
взгляда собственного боюсь.

Я один. И луна стальная...
Кто ты? Разве я знал тебя?
Не люби меня, вспоминая,
вспоминай меня, не любя.

26.04.2000

ПЛАТОНИЗМ

Любовь телесная – для юноши краса,
но и не только; явно
она привносит в полу-быт его неза-
менимый привкус славной
и долгожданной возмужалости, и нет
здесь атома порока,
а есть лишь первенство и самый буйный цвет

здоровья, что полого
стекает в мирозданье женское, и вновь
рождается магично...
Но в зрелом возрасте телесная любовь,
скорей всего, вторична:
она – как благо, а вернее, благосмысл,
что душу вкупе с телом
уравновесив, вдруг подобьем коромысл,
уносит плодом спелым
за грань вселенной, а точней, туда, туда,
где, слита с очищеньем,
любовь телесная является всегда
духовным воплощеньем.
14.11.1993

* * *

Если тебе невдомёк,
что из себя представляет
этот цветной мотылёк,
что над тобою порхает;

если его нутрецо
ты – очевидно, знаешь? -
сморщив своё лицо,
гусеницей называешь;

если размахом крыл
это земное творенье
не приливает сил
в сердце твоё оленьё;

если его окрас,
часто бродя по скверам,
в первый-последний раз
ты замечаешь серым;

если, срезая цветы
словно кусочки зельца,
не ощущаешь ты
пульс беззащитного тельца;

если его бенефис
нарисовав на бумаге,
ты прилепил на карниз
ради домашней бодяги;

или в который раз,
или не враз, а долго
прячешь в разрезе глаз

кукиш, снующий колко;

то, скользнув по земле,
ты, обречённый тверди,
в пыльном гербарии смерти
высохнешь на игле.

* * *

Когда ты свою красоту растеряешь
в потоке житейских забот,
ты вспомнишь, а, вспомнив, вполне осознаешь,
что в юности, словно оплот,
был друг у тебя, для которого внешность
твоя не являлась рекой,
несущей поток под названием нежность
и дарящей взгляду покой;
ты вспомнишь, что он никогда не боялся
тебя за обман упрекнуть,
заметить нечаянно, что повстречался
с тобой не за тем, чтобы суть
редчайшего чувства скрывать за красивой
наружностью или за тем,
что все называют эффектно и лживо
любовью без всяких проблем;
что он, как ребёнок, который зарвался,
посмел, и в его-то года,
заметить, что он не ушёл и остался,
когда ты ушла навсегда...
И вдруг осознаешь: есть в мире загадка,
и если не вскрыешь её,
то будешь терзаться над мыслью несладкой,
что жизнь – и не жизнь, а быльё.

15.08.1998

* * *

Я вырвал себя из быта
и бросил небу в подол,
а ты, как с дыркой корыто,
всё плачешь, что я ушёл.

Куда? По стране шататься?
К кому? У которых свих?
Тут каждый смешней паяца,
и всякий частично псих.

А ты посмотри на чашу,
в которой созвездий вино
искрится, смывая нашу

не жизнь, а толкно.

И вот ты толчешь, как в ступе,
свой каждодневный компост,
ища в приготовленном супе
осколки луны и звёзд.

А эта луна – на небе,
и смотрит в тебя гвоздём,
и метит застрять не в хлебе,
а в пористом сердце твоём.

Ну-ну, ты уже мочалка!
Кому посвящу я стих?..
Но каждого здесь мне жалко,
хоть всякий по-своему псих.

23.10.05

* * *

Творец божественный смеётся надо мной,
когда вручает осознание,
что всё наземное сотрёт своей рукой,
забыв и страх, и сострадание;

но он заботливо ещё внушает мне,
что если я в часы досуга,
в минуты адского труда или во сне
восславлю не себя, а друга;

что если я, преодолев в себе вражду
к насмешнику среди блаженных,
ещё для недруга сочувствие найду
в бокале уст несовершенных;

то он, могучий, не взирая ни на что,
всю тварь подлунную пригубит
и, чтобы славить милосердие, за то
лишь одного меня погубит.

Глава вторая

* * *

Не грусти без меня, кроха,
без моих утомлённых глаз,
в этом веке мы все неплохо
растеряли себя и нас.

В каждом бьётся клочок сердца

и своей, и чужой жены,
каждый ищет единоверца
по гордыне за полцены.

Отпусти от себя свору
мыслей, ноющих свысока:
этот, может, тебе и впору,
но взглядись: на лице – тоска.

Согласись, не вкусить слаще
плод запретный горчайших фраз,
как сегодня... в домашней чаше...
этой ночью и в этот час.

Но мучительны, злы в ломких
пальцах века, где каждый – червь,
ожиданья наши в потёмках
встречи, рвущейся словно вервь.

Пусть осядет пыльца грязи
этих прожитых тыщи лет;
может, мы разглядим в алмазе
ночи наш мимолётный след.

Или, словно в ключах донных,
пересилив разлуки страх,
ты растаешь в моих ладонях,
я исчезну в твоих глазах.

18.01.2001

* * *

Предпасхальная ночь. Сновиденье условно.
Выхожу на балкон, чтоб на небо взглянуть.
Тучи застыт мерцанье созвездия Овна
и неслышимо дышит Серебряный Путь.

Я безмолвен и слеп – из-под век *выскользает*
киноварный зрачок яйцевидной луны.
Только разум себя самого осязает
в скорлупе темноты, чьи глазницы черны.

Но и это бессильно замедлить слиянье
неостывших гигантов в утробе небес.
И звезда разливает в бокалы сиянье,
и спускается путникам наперерез.

Из укрытия утро в бордовость вельвета
умирающей ночи бросает приплод.
Это солнце играет на кромке рассвета:

то налево заблещет, то вправо сверкнёт.

И от вербы лучение зеленью вьётся...
Засыпаю – и меркнет моя слепота.
И на дне пересохшего ночью колодца
растворяются тучи, луна, темнота.

11.04.2004

* * *

Неужто небо звёздное милей
земных тюльпанов и лилей;
оно ли в черноглазой тишине
диктует эти строки мне;
и стоит ли всю жизнь и весь покой
отдать в залог за звёздный рой?..

И если так, то для чего сознание
моё не ищет в мирозданье
тот уголок, который, словно лоно,
вдали от смерти неуклонной
укрыл бы, нет, упрятал в колыбели
моё сознание... неужели
не дорога моим глазам печаль
степных дорог, лесных тропинок,
озёр предутренних цветная шаль
и вихрей вольных поединок;
и что ж, мне тело будет жаль
моё упрятывать в суглинок?..

Я весь предощущением объят,
что жизнь и смерть – сестра и брат,
что нет небес, земли и вдохновенья,
а есть потоки дуновенья
цветов и звёзд, когда мой взгляд
преобразился в листопад.

05.12.2002

* * *

Смерть не бывает наудачу.
Но и тогда, с землёй сроднясь,
поверь, я всё же не утрачу
с тобой таинственную связь.

Я не забуду сквозь потёмки
и сквозь небес жемчужных тишь
в твоей явиться комнатёнке,
в которой ты спокойно спишь.

Неощутимо, осторожно

проникну в твой глубокий сон,
чтоб с этой ночи непреложно
был на двоих единым он.

И уходя, но лишь на время,
в подземный мир в последний раз,
я унесу с собою бремя
разлуки, разделившей нас.

09.01.2003

* * *

И вот опять сгорела осень.
Природе брэнной вопреки,
лишь пояс кипенный берёзин
сияет около реки.

И ты, приехав ненароком
на день, на два – бессмыслен счёт –
не говоришь, что тайным роком
мой город вновь тебя влечёт.

Что я и скучен, и забавен,
как новизна и старина;
что голос мой сегодня равен
тоске, что смеху не равна.

Всему своё... Когда Софии
колокола рождали звон,
Двина, как будто в летаргии,
хранила свой былинный сон.

Какие сны, какие яви
сравнятся с тем, что ты опять,
разочарованная в славе,
стихи забросила писать.

И говоришь: «Не понимаю,
возможно ль в это время жить? –
всё получается по краю:
и ненавидеть, и любить...»

Чего-то нет во мне такого,
чего-то нет в тебе чуть-чуть,
и разбивается основа
того, что в жизни не вернуть.

Да и зачем обман всесильный,
когда повсюду и кругом
черновики поток обильный...

И авторучка – под столом.

И стынет кофе. Время – просинь.
Ну, вот, пора. Который час?..
Опять, опять сгорела осень,
но что-то не сгорает в нас.

* * *

Ещё не срезаны во дворике цветы,
ещё не сорваны антоновки в саду,
ещё не чувствуешь ни капельки, что ты
свидетель позднего блистания в году.

Что эта липа у поломанных ворот
и тот жасмин, что белокипенным огнём
умел легко затмить и солнечный восход,
ещё не думают считаться с сентябрём.

Не оголяется склонённая сирень,
не осыпается надменная ветла,
не собирается поляны золотень
в осеннем пламени истаивать дотла.

И ты, впивая взгляд в молочный окоём,
где тают контуры пасущихся коров,
где всё сливается в расплывчатый объём,
ещё не ждёшь обычных холодов.

Ещё не мучаешь предчувствием себя,
что вновь неделя бестолкова и пуста,
но знаешь, пальцами травинку теребя,
что время есть исправить ворота.

* * *

Это ушло и забыто мной.
Разве камни всплывают?..
Даже бурливые реки порой
русло своё забывают.

Но неожиданно, как жара
среди февральской метели,
письма твои журавлями вчера
издалека прилетели.

Что-то их почерк курлычет мне
про весну, про начало,
словно те письма в родной стороне
ты молодой писала.

Ах, дорогая, куда ушла
наша верная юность,
что драгоценным алмазом несла
чувств серебристую лунность?

Что потаённо лишь только нас
с ночью дымчатой вместе
мягко укутывала в атлас
нерукотворных созвездий.

Чутко вливала в сердце огонь
наших тел окрылённых,
и обжигала мою ладонь
ночь – чаровница влюблённых.

Ах, дорогая, какая новь
в письмах сладостно бьётся!..
Если вернулась ко мне любовь,
значит, и юность вернётся.

23.02.1998

* * *

Былинный дуб. И жёлуди, как ядра,
(неправда... или правда – всё равно)
свисают декорацией театра
и падают с листвою заодно.

Как всё вокруг. И в жизни и не в жизни.
Сегодня, завтра или в старину.
Но дубу что – он царствует на тризне,
как прежде, стряхивая седину.

И смотришь ты. И слушаешь мгновенья
вчерашних битв, попок и любви,
и знаешь: если жизни рвутся звенья,
то лучше цепь и вовсе разорви.

Тогда почувешь силу и бессилье
листвы, что просто на ветру шумит,
её высокомерное усилье
не замечать ни счастья, ни обид.

И это так. И всё из декораций:
и правда, и неправда – всё равно.
Так пусть свисают жёлуди без граций
и падают с листвою заодно.

* * *

Запах осени печальный,
мудрость брэнной старины –
всё слилось в исповедальный
звон сентябрьской тишины.

Что же смотришь ты тоскливо
на верхушки куполов,
словно хочешь молчаливо
стать подругой облаков?

Не спеши махать рукою
этим травам, той реке,
глянь, горит свечой какою
колокольня вдалеке.

Посмотри на ряд склонённых
тополей – им триста лет,
только в их глазах зелёных
и в помине грусти нет.

Видишь, даже листопадом
нам природа говорит,
что за каждым смутным взглядом
запах осени горит.

* * *

Они оригиналы и хотят,
чтоб все такими были, но считают
что люди не совсем их понимают,
а те, кто понимают, те молчат...

Они не любят жить поодиночке,
не любят тишины патриархальность,
им подавай словесную нахальность,
всех доводя до ручки и до точки...

Кипения разнузданных страстей –
их идеал, идея и стихия;
пусть зритель горлопанит: "Истерия!
Кому нужны плоды таких затей?!"...

А им нужны. Нужна и величавость
в поступках, в откровенных разговорах,
когда сочувствия и ненависти ворох –
не только позы пышность и курчавость...

Они доказывают аксиому,
что в жизни бесполезны все стихи,

но так, как бесполезны все грехи,
несущие бессмертие живому...

Они с презрением думают о смерти;
и пусть пока их мало понимают –
они себя пророками считают,
поэты – харизматики и черти.

Глава третья

ПУТНИК

Здесь для меня всегда – всё старое и новое.
Здесь я один и не один, как ночь и день.
Здесь мною обожаемое личико, как тень,
за мною по пятам – зовёт на всё готовое.

Я уйду и остаюсь... А на твоих словах
налёт ещё горячих чувств: я своего добьюсь,
и страх, седой, сутулый и состарившийся страх,
что я в чужую дверь однажды постучусь.

Что брошу странствия, пресытившись дорогой,
вернусь к себе домой, – хоть это и банально, –
туда, где в малом ощущается так много,
туда, где каждая минута изначальна.

Поверь, что мне желаннее, милей в добре и зле
земля, что грела босы ноги чистотелом, –
с тобою уходя всем духом и всем телом,
себя частицу оставляю на родной земле.

Я остаюсь в незамутнённом предосенье,
в лазурном пении мудрёных петухов,
и снова думаю: так что ж такое кров?
какая сила в нём? какое откровенье?

Здесь для меня всегда всё внове по весне.
Здесь первая моя строка – как Богом данная.
Здесь ты, моя и не моя, но всё ж – желанная,
зелёной осенью являешься ко мне.

* * *

Заосенилась погода
от сентябрьских гроз;
сник под плачем небосвода
чуткий чернолоз.

Растрепали ветры косы

загулявших лип;
позалезли в гнёзда осы,
чуя холод-всхлип.

Приклонился солнца лучик
к черноте путин –
серебрятся средь колючек
чаши паутин.

Растревожился багрово
на поляне клён:
не успеет до Покрова
сбросить листья он.

Закручинились покосы
в хороводе льна;
седовласы, безголосы
чащи допоздна.

Приподняли гордо сосны
изумрудный чуб:
моложавится несносный
черствокожий дуб.

Разбросавши щедро шишки
на размокшем мху,
скоро мёртвые ледышки
облекут ольху.

И взорвётся гулкой одой
гром вчерашних грёз...
Заосенилась погода
от сентябрьских гроз.
25.09.1994

* * *

Случайная встреча – желанный итог,
и живо вплетаются в ткань разговора
слова, оживляя завядший росток
любви: отошедшие дни медосбора.

Сладка, ароматна, желанна пыльца
раздумий о близости трепетной встречи,
когда с твоего молодого лица
срывали улыбку горящие свечи.

Когда надо мною, терзая меня,
витали пылинки стеснения и в руки,
нечаянной дерзостью их леденя,

скользили ошибок колючие муки.

Пылали вопросы на тёмной стене
сквозь полу-любви угасающей сизость:
чего же ты ищешь сегодня во мне –
телесную щедрость? духовную близость?

Не ведают губы, что руки творят
в минуты, которые жизни дороже;
и вдруг у цветов опадает наряд
на бренное тело, на белое ложе.

Случайная встреча – желанный итог
твоей и моей ностальгии о нашей –
ещё не разлив и уже не глоток –
любви как разбито-невъпитой чаши.

07.05.1994

* * *

Кратковремен розы шёпот.
Сладкоревностна любовь.
По морщинкам бродит вновь
неуверенности ропот.

По губам скользит опять
не гордыня, не улыбка,
а мерцающая зыбко
нерешительности прядь.

Всё меняется банально
в трепетании огня...
Ты не смотришь на меня
ни всерьёз, ни машинально.

Ты безмолвствуешь со мной,
сквозь безбрежность перемены
окрылённая измены
преднамеренной волной.

Разве это не продленье
полудней и полудет?
Разве нам сегодня вслед
не сияет обновленье?

К чёрту памяти отсчёт,
кратковременности ропот,
если розы слышен шёпот,
если ревность – словно мёд.

НАТЮРМОРТ С ...

Сентябрьские сливы сочны и красивы,
и яблок рубиновых свеж аромат,
и дыня почти позолочена, над
которой свисают, смешны и спесивы,
зелёною вазой вполне овладев,
пион с георгином; на скатерти белой
арбуз – чуть надрезан, заманчиво спелый,
и карие косточки, явно зардев,
слегка смущены бесполезностью полной;
рябинная гроздь у подножия вазы:
зелёное с красным – печальный мотив,
который, однако, не делает больно,
как делают это колючие фразы,
когда разговор наш – эмоций прилив;
и странны прожилки, что светятся вновь,
берёзовых листьев – в окошко влетели,
но это не к месту, как пух на постели,
как наша с багряным налётом любовь.
Как боязно яблоки, сливы и дыня
взирают на ненависть в наших очах,
как будто мы чужды, и жизни очаг
обыденно рушит гордыня.

19.10.1988

* * *

Родившись, воздух так глотаю,
как будто мне не хватит жизни,
чтоб надыхаться вдоволь, чтобы
почувать аромат соблазна
сакрального течения крови
по мысленным аортам. После,
когда окрепли мысли-чувства,
я вновь хватаю воздух, словно
ловлю непрожитого краткость,
которая сродни обрыву
существования в мире или
скале, которая навечно
подруга первому. Когда же
луна взошла, осыпав тело
моё серебряною пылью,
опять вбираю воздух, точно
я не насытился предельно
дыханьем, нет, благоуханьем
того, что я не называю,
не вижу, не прошу... И время
не счётчик оголтелых лет,
и помирать-то смысла нет.

26.12.2001

* * *

Нет, не дарите свой портрет
ни мне, ни прочим... я отныне
его, как выданный секрет,
сожгу в пылающем камине.

И что мне блеск зелёных глаз
и уст, что замерли в отваге,
и щёк, горящих напоказ
хоть на холсте, хоть на бумаге.

Они недвижны и мертвы,
как медь, бряцающая всуе.
Я счастлив – только если Вы
со мной замрётё в поцелуе.

Иначе – видите, камин!
огня живого полыханья,
и всё поддельное, как сплин,
я в нём сожгу без колебанья.

05.01.2003

БАБЬЕ ЛЕТО

Раскрасневшейся осени ранний всполох
воскрешает, как лето, цветение наше,
что недавно алело сильнее и краше,
а сегодня пылает испугом, врасплох.

Только разве горенье бывает случайным?
Если час – значит день, если год – значит век.
И конечно, мы скажем, покинув ночлег:
это было недавно, но было печальным.

И стихи подступают к устам, словно кровь,
обжигая словами, как углями, горло:
если время цветение в памяти стёрло,
то пурпурная осень зажгла его вновь.

Так неужто пугает нас новья пора?
пусть погасшие души – враги исцеленья,
но сегодня мы верим: сгорают поленья
не за тем, чтобы пепла пылилась мура.

Потому-то и брезжит: хоть алая осень
выгорает до самой последней травы,
у неё остаётся сквозь охру листвы

непреклонное право на броскую просинь.

И надежда, что всё возвращается вспять,
если жизнь не сжигает в костре нас венчальном.
Это было недавно, и было печальным,
но сегодня, как лето, пылает опять.

18.02.1988(29.11.1995)

* * *

Легко ли писать?.. Поди, попиши,
когда твой компьютер под лысиной
чувствует сквозь напряженье души
об этом уже написано.

Когда разыскал ты рифмовку одну
и восклицаешь: сюрприз она!
кто-то хихикает хитро: ну-ну,
она же давно написана.

Когда засыпаешь с надеждой: ну так
идея тобой облизана!..
бьёт тебя что-то, бормочет: дурак,
она уже кем-то написана.

Когда мемуары тебя за столом
сжигают, как жизни капризина,
ты понимаешь, что обо всём
и этом красно написано.

Легко ли писать, когда над тобой
фраза камнями нанизана:
пиши не пиши, но помни, родной, –
об этом уже написано.

06.04.1979(25.12.2006)

* * *

Дремлет в трамвае женщина.
Кто-то ворчит: пьяна.
Нет, утомилась женщина
так же, как в шторм волна.

Много сегодня (помощи –
не от кого) хлопот:
утром – ларьки, где овощи,
кажется, лезут в рот.

После на рынок: свежее
мясо лоснится там,

масло сияет нежное,
светится мёд-бальзам.

Нужно купить и творога,
сыра и молока...
Цены? – конечно, дорого,
но «по зубам» пока.

Днём, хоть не очень нравится
(всё и везде самой),
надо успеть управиться
с прачечною сумой.

Дома, как поговорочка,
«старые» ждут дела:
дети, обед, уборочка...
крутится жизнь-юла.

Вечером нужно женщине –
в ночь на работу, вот.
Так не мешайте женщине,
пусть она отдохнёт.

22.02.1979(27.03.1994)

СТАНСЫ

Опадают листья, умирают люди,
разыграв любовь подстать лихой причуде,
не успеv понять своего бескорыстья.
А листья... всё также опадают листья.

Проливают дожди благодать на землю,
орошая жизни соколиный окрас.
И я на земле, и земное приемлю.
А дожди... дожди, как слёзы, спасают нас.

Осыпают снегами чёрные тучи город,
белокипенным саваном покрывая дома.
И я замерзаю, и шубы срываю ворот.
А снега... снега ещё сводят спящих с ума.

Пробивают путь себе вешние ручьи
под кореньями, над корнями, сквозь корчи.
И я умру, и меня не забальзамируют.
А ручьи... ручьи дорогу пробьют, выруют.

Я встречусь с тобой, не знаю – зимой или летом,
будут ли листья падать дождём или ручьи сквозь снега течь,
но я прошепчу: «Ты права...», и при этом
вспомню, что смерть не страшнее встреч.

18.10.1972(28.04.1998)

* * *

И вот опускаю уставшие веки –
опять увяданье сломило меня,
и осень – пожаром объятые слезы –
приемлет взволнованный облик огня.

И сквозь обгорелые ветви-корыстья
я вижу твоё очертанье лица,
и тихий твой говор – пожухлые листья –
на жёлтую землю летит без конца.

И я осторожно, как сон, что не снится,
к тебе приближаюсь, склоняюсь к тебе,
и ты растворяешься, словно денница,
в моей опалённой судьбе.

01.11.1975(01.11.1996)

Глава четвёртая

* * *

Я знаю, друг, что ты вовеки
не ищешь, даже днём с огнём,
ни тёмных истин в человеке,
ни светлых недочётов в нём.

Что ты спокойно спишь, и пытку
найти хоть в сотую попытку
одну единственную фразу
не испытал ещё ни разу.

Что утром, занявшись работой,
мысль не скулит в твоих мозгах,
что в ночь созданных стихах
ты не домыслил снова что-то.

Тебе намного интересней
часы досуга проводить
там, где гитара дружит с песней,
где можно плакать и любить.

И потому, когда с тобою
встречаюсь я, ты говоришь:
«Привет, «сократ», ну что, какую
ещё нас штукой удивишь?

И как, родной, скажи мне смело,

тебе ещё не надоело
полусогнувшись, как медведь,
над фолиантами сидеть?»

Я в шутку вовсе не желаю
беседу эту превратить
и отвечаю, что не знаю,
зачем писать... зачем мудрить..

И думаю, что бесполезно
ломать в запале копья фраз,
когда давным-давно известно –
одна лишь смерть рассудит нас.
04.07.1984

* * *

Соловьём не петь мне – и не надо,
не парить туманом – ни к чему.
Есть в душе моей особая услада –
тяга вечная к порогу моему.

Есть мгновение – открыты настежь двери,
голос матери моей нетерпелив:
«Дождались мы возвращения потери;
заходи уже, рассказывай, чем жив...».

И отца лицо с налётом полу-грусти,
но во взгляде – не слабеющий огонь;
на крыльце в лукошке сладко дремлют грузди –
лес им видится, поляны ли ладонь?

Звоном детства из узорного окошка
разливается манящий душу свет
и нечаянно стекает, как дорожка,
прямо к озеру сквозь мглу вчерашних лет.

Сад в молчании, в ветвях зевает вечер,
заунывно где-то всхлипывает выпь.
И на небе, над которым веет нечер,
звёзд пока ещё не высеялась сыпь.

И несётся соловьиная рулада
над туманом, ускользающем во тьму...
Есть в душе моей особая услада –
тяга вечная к порогу моему.
16.04.1987

* * *

Не для тебя, любимая, живу,
не для тебя пишу я в стужу,
когда сентябрьский ветер не листву
срывает с дерева, а душу.

Когда уже по прошлому во мне
не ностальгия золотится,
а дождь лиловый в тишине
сплошным бесчувствием струится.

И нет уже тех искрящихся чар,
что ты любовью называла,
лишь гром последний, как лихой бочар,
гремит над нами небывало.

Лишь хладнокровье каплями надежд
из глаз стекает на ладони
и вдруг, как ветви в ливень без одежд,
с грозой сливается в бостоне.

И тучи, что летят стрелой,
нам желтизной напоминают:
остатки нежности былой
ручьи безжалостно смывают.

Когда вчерашнее, как наяву,
воспоминаниями рушу,
не для тебя любимая живу,
не для тебя пишу я в стужу.
10.03.1994

МОНОЛОГ

Грозу в сентябре привечаю, как гостью.
И ветер в подмогу, и молния впрок.
И грома рассыпанный палевой горстью
отрывистый, спешный, лихой монолог.

О чём его исповедь? Или же – пытка?
Не страха мотивы, а вольности речь.
И бьётся в непознанном чувстве калитка,
и непредсказуема капель картечь.

Сомнительна страсть и всегда одинока.
На стол угощения – гости пролёт
докучлив и долог, но всё же до срока.
И вечер медовый – созревший ли плод?

А может, насмешка?.. Бежать ли отсюда?..
И мокрую руку кому протянуть?

Разломана яблоня, бьётся посуда,
разбита стола деревянная грудь.

Разлита живая вода в монологе.
Антоновки в зелени – как миражи.
Кругом тишина, черепки, на дороге
обломки калитки... и – ни души.
22.09.1989

ГРУШЕВЫЙ СОК

Мы ели те груши со смехом и хрустом,
стекал неожиданно наискосок
щекочущий губы розовый сок,
и сумерки стлались шафрановым чувством.

И солнце тонуло в бордовом бокале.
Как ёжился я и как ёжилась ты,
когда на траве пирамиды-плоды
стремительно рушились и исчезали.

Когда на траве лишь одни плодоножки
остались лежать бесполезные сплошь,
мы вдруг ощутили: багровая дрожь
над нами свои потирает ладошки...

Теперь же, поездив по свету, до срока
в тот сад заворачивая второпях,
я вновь ощущаю на пресных губах
засохшую розовость сока.

ТАВАЛИНА

Тавалина, тавалина,
не лесок, а молодец:
тут орехи и малина,
тут душица и чабрец.

Расселилася черника
пред горой и за горой;
и за каждым, посмотри-ка,
поворотом зверобой.

За грибницею грибница,
всех грибов не перечтёшь:
подосиновик, лисица,
сыроеж и белый тож...

Травам нет конца и края,
сочны травы поутру –

пригибаются, играя
на малиновом ветру.

Можжевельниковый запах,
я к нему ноздрями льну:
сердце – как в медвежьих лапах
или просто – как в плену.

Ели в броском хороводе,
за дубком дубок идёт
и рябина песни вроде
в алом зареве поёт.

Вот плетёная корзина
от брусники вся красна.
Тавалина, тавалина,
очень жалко, что тесна.

* * *

Выцветают губы словно зелень,
но назад не ведают возврата.
Трону их улыбкой осторожной –
задрожат они в вине заката.

Упадает плавно солнца клубень
за межу небесного атласа.
На моих губах, как в поцелуе,
вздрагнет луч лимонного окраса.

Осняет сонно лунный бивень
неба бирюзовое зеркалье,
серебром эфирным осыпая
губ моих вечернее печалье.

Разжигает в сердце алый пламень
гаснущая мглистость на прощанье.
Милая мне тронет губы взглядом
и они забудут увяданье.

Выцветают губы словно осень,
но назад не ведают возврата...
И смотрю с тоскою ненасытной
на неугасаемость заката.

25.12.1995

СЕРЕБРИСТАЯ ОСЕНЬ

Серебристая осень в глаза мои смотрит,
приглашая меня в свой хмельной хоровод,

словно я этот лист, что сорвался с осины
и о землю удариться должен вот-вот.

Но, следя за паденьем листвы, я подумал:
серебристая осень, не надо спешить –
мне ещё не по силам в твоём хороводе
затаённо, уверенно, вечно кружить.

Я не знаю ещё, серебристая осень,
сколько будут меня красотой исцелять
эти строгие линии ив наклонённых,
этих вод скоротечная вольная гладь.

Не насытился я светозарной грозой,
ароматом целебным былинных полей...
Но по-прежнему смотрит в глаза мои осень,
серебристая осень жизни моей.

02.10.1982

* * *

В этом году урожай на грибы.
Рано проснувшись, хватая корзину,
думаю: жизнь – это тайна ходьбы.
И отправляюсь в лесную трясину.

Вымучив ноги в болотных задворках,
толком грибов не нарезав пока,
слышу, как там, на холмах и на взгорках,
счастливо кличет грибник грибника.

В полдень, пол-леса успев обойти,
всё же корзину наполнив грибами,
можно и дух свой перевести,
вытерев лоб утомлённо руками.

Эта усталость – душе обновленье.
И, опустившись под дерева сень,
хочется птиц беспрестанное пенье
заворожёно слушать весь день.

05.10.1979

* * *

Я ли слеза на реснице твоей?..
словно наружу прорвавшийся ключ
в сумраке вечера, что розовой
ветра и непредсказуемей туч.

Мягко скольжу сквозь дыханье твоё,
вижу цветение сна на губах;
знаю, что там, за окном, вороньё
не принесёт, не накликает страх.

Я ли – слеза, что твоею щекой
молча любит, глядя её;
это ли есть покаянный покой,
или кровавый обман и враньё?

Не уйду, не скрываюсь – зову
или улыбку, морщинку и взгляд,
или блеснувшую ночи сову,
чтобы тебя воротила назад.

Я ли слеза, подбородком твоим
не завладевшая, а наугад
плавно плывущая, чтобы одним
полудвиженьем окрасить закат.

Ветер утих, ключевая вода
в тучи ушла, за собою маня...
Если всё сказанное ерунда,
вытри слезу – и не будет меня.
28.09.2004

* * *

Что мне дни весёлые – в цель они иль промах?
Как собака верная подползает ночь.
Лета голос сорванный путается в кронах,
по листве янтарной ускользая прочь.

На лице растерянном призрачною сетью
то слезинки дробные, то ли дробь дождя.
Много в речку кануло залежалой медью,
словно то, что прожил, – прожил я шутя.

Поздняя торжественность в брызгах ветра тонет.
Тлеют в кронах сумерки – лета алый взмах.
Мгла в меня стреляет... Ночь скулит и стонет,
и кровинки лета взорвались в глазах.
12.09.1987

* * *

Я не живу, а двигаюсь по кругу,
и в этом что-то есть,
то возвращаюсь к преданному другу,
то вновь врагов не счесть.

И кажется, что в вихре листопада
друзей, врагов, подруг,
мне в этой жизни только-то и надо,
что разорвать свой круг.